

*Глаза звездного
цвета*

—
Марк Хармс

12+

Марк Хармс

Глаза звездного цвета

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Хармс М.

Глаза звездного цвета / М. Хармс — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В безмятежное детство мальчика Миши врывается свет таинственной звезды - и переворачивает жизни всех его друзей и родных. Что происходит, когда неподготовленный детский разум сталкивается с необъяснимым? Чего хочет эта звезда? И как с этим связана сказка про короля, который забыл, что такое страх? Ответы - внутри этого рассказа.

Я часто вспоминаю своего дедушку.

Сейчас, спустя много лет, воспоминания о нем туманны и как бы пропущены сквозь пыльные линзы очков моего детства. Если сесть и начать копать в голове, можно выудить совсем немного: вот он со смехом подбрасывает меня в воздух, показывая мне три пальца – тогда мне исполнилось три года, а я радостно визжу от ощущения полета; вот я старательно и криво приколачиваю гвозди, а он наблюдает, как бы я не ударил себе по пальцу, чтобы вечно тревожная мама не устроила ему серьезный разговор; вот... Таких вспышек немного, а последнее, что я помню – печальная и грустная история, которая почему-то запомнилась мне совершенно отчетливо, как будто именно благодаря ей моя память повзрослела, устроилась на работу, накопила денег и купила нормальное оборудование для записи воспоминаний.

Лето

Когда мне исполнилось девять лет, я вдруг неожиданно осознал, что моя отправка на дачу к бабушке и дедушке была нужна скорее даже не мне, как все пытались меня убедить, а моим родителям. Нет, не скажу, что мне там не нравилось, но сама мысль, что кто-то получает от моей ежегодной ссылки за город больше выгоды, чем я, ставила меня на место бизнесмена, прогадавшего в крупной рыночной игре. После осознания этого факта я понял, что могу на них давить – и перед каждой отправкой родителям приходилось сравнивать счета в этой игре купленными игрушками и сладостями. Одной из таких игрушек оказалась светящаяся звезда на цепочке, благодаря которой ее можно было носить на груди; кардинальное отличие этой вещицы от десятков безликих пистолетов и машинок окутывало ее в вуаль тайны и оттого делало еще более похожей на своих небесных собратьев, подмигивающих с ночного неба. Я гордо носил ее на груди, снимая только на время купания, а на расспросы сверстников лишь загадочно отмалчивался, как будто и вправду был хранителем настоящего космического огня; жизнь еще не успела объяснить мне, что на самом деле моя звездочка была изготовлена в пригороде китайского фабричного городка, а таинственный свет, то мигающий, то вновь появляющийся, объяснялся отнюдь не мистической природой ее существования, а лишь дешевизной установленного внутри светодиода.

Бабушка с дедушкой жили далеко за городом – и сколько я их ни спрашивал о причинах выбора дачи на таком огромном расстоянии от компьютера, удобных тротуаров, дворов с футбольными воротами и комфортного унитаза, каждый раз получал ворчливые ответы, которые никак не хотели уложиться в моем сознании – они говорили что-то о "настоящей природе", "лесном воздухе" и, как ни странно, о "тишине". И если с первыми двумя пунктами все было вполне понятно, то к третьему у меня были большие вопросы – кому нужна эта тишина и что в ней хорошего? Тогда мне казалось, что тишина была олицетворением потерянного времени, которой нужно было старательно избегать, чтобы не состариться раньше положенного. Из этого вытекал разумный вывод: стариками становятся тогда, когда начинают прислушиваться к тишине.

Насколько мне было известно, решение поселиться в деревне они приняли после того, как переступили пенсионный порог. С тех пор их дача пустовала только в те редкие мгновения, когда они уезжали в город за покупками или чтобы повидаться с многочисленной родней. Все, что у людей ассоциируется со словом "деревня", было и тут: необъятных размеров пруд, вселявший в меня первобытный ужас своей полутораметровой глубиной, ласковое и напоминающее маму летнее солнце, изумрудная зелень, деревенские жители, удивлявшие меня своей простотой взглядов на те вещи, над которыми городские люди чаще только хмурятся, и их дети, целыми днями околачивающиеся на улице, лениво пинающие мяч, играющие в прятки на желание (загадывали всегда почему-то одно и то же – неожиданно ухватить сверстницу за

задницу, а затем стремительно убежать, бешено гогоча от прилива адреналина), дерущиеся насмерть до первой крови и сооружающие самопальные убежища в местах, оставленных другими людьми по причине несовместимости с нормальной жизнью.

Хоть они и приняли меня в свой коллектив совершенно просто и без каких-либо формальностей, их компанией я почему-то не особенно дорожил и уже тогда понимал, что вместе нас всех свела не дружба, а невероятная скука, и что скучать по-одиночке было гораздо невыносимей, чем вместе. А различные ритуалы и клятвы о вечной дружбе казались мне лишь попыткой сбежать от разъедающей бездны этой всепоглощающей скуки, и я, молча согласившись с негласными правилами этой игры, вместе со всеми резал руки во время братания и клялся, что "следующим летом точно уговорю родителей привезти меня пораньше".

Тем не менее, конфликты вспыхивали, и вспыхивали довольно часто – все-таки свежий воздух и горячий молодой нрав часто, пусть и ненадолго, брали верх над нерушимой дружбой. Одним солнечным днем я, как обычно, после завтрака выбежал на улицу и увидел, что ребята играют в прятки без меня, хотя мы всегда начинали играть только после того, как все соберутся вместе. Тем не менее, я терпеливо дождался, когда партия подойдет к концу, и только после этого приблизился к запыхавшейся компании.

Ребят было шестеро: Паша, Валентин, Васька, Андрей, Саня и Санек. Последних двоих вообще-то звали Александрями, но в целях устранения неразберихи было решено называть их именно так. Помнится, поначалу между ними было соперничество за право называться именно Саней – видимо, это имя казалось ближе к их настоящему, но вскоре ребята смирились. Поодаль, на лавочке возле дома Васька чинно сидела Дашенька – его семилетняя сестра. Вася говорил, что раньше у нее была заячья губа, но потом ее вылечили, и теперь она была почти нормальная. Меня всегда удивляли ее просто-таки огромные васильковые глаза – они казались мне неподходящими для такой мелкой девчонки. Она никогда не выказывала желание принять участие в наших играх, а мы и не настаивали. Впрочем, это не мешало ей постоянно следить за нами и быть как бы негласным участником нашей компании.

– Здорово, ребята. В прятки играете?

– Да, – кивнул Паша. Паша был довольно толстым и неловким, но свои недостатки компенсировал взрывным характером. Он дышал тяжелее всех, так как в предыдущей игре ему пришлось быстро пересечь немалое расстояние – от сада бабушки Марины, в котором он прятался, до точки сбора. Все его лицо было усеяно градом тяжелых капель пота. Отдышавшись, он вдруг категорично заявил: – Ты с нами сегодня не играешь, Миша.

– Это еще почему? – удивился я.

– А потому. Ты слишком хорошо прячешься. А когда мы сдаемся, не откликаешься. А нас родители ругают, если мы поздно домой возвращаемся, – сказал Андрей.

– Вот-вот! – поддакнул маленький Вася. У него был противный писклявый голос – казалось, что в его горле поселился вредный и такой же маленький гном и изо всех сил сжимал ему голосовые связки, не позволяя нормально говорить. – Меня вчера бабка по попе отхлестала. Сейчас даже покажу...

– Да не показывай ты... – поморщился Валентин. Он был самым рослым и широким в нашей компании, поэтому его всегда звали полным именем. – Все слышали, как ты вопил. Спать мешал своим нытьем.

Саня и Санек молчали и только согласно кивали головами.

– Ивовыми прутьями отхлестала, между прочим! Знаешь, как жгётся!

– Ивовыми прутьями, – поднял палец вверх Паша, как бы особенно выделяя этот момент. – Короче, сегодня ты с нами в прятки не играешь. В наказание.

Это было обидно до слез, но я сдержался. Не хватало еще зареветь перед пацанами! Да и было бы от чего расстраиваться! Лучше всех спрятался, а в итоге – наказание. Это было

несправедливо, но, помня о черной бездне скуки, которая съест меня, если я не проглочу свою гордость, я лишь ответил:

– Ну и пошли вы... – Повернулся и ушел.

Дома обида захлестнула меня с головой. Горячие слезы лезли из глаз против моей воли, и я лишь размазывал их по лицу грязными ладошками, надеясь, что никто этого не заметит. Окна выходили как раз на улицу, где, весело хохоча, резвились мои друзья.

– А может, позовем Даню вместо Мишки? – донесся до меня писклявый голос Васька. Ну и засранец! Такой маленький, а предательства как во взрослом.

– Ну ты не борзей, Васёк. Он же все-таки друг, – пробасил Валентин.

Все-таки Валентин был самым хорошим в этой компании. И что он только тут забыл? Его родители очень богаты – это было видно по огромному кирпичному особняку, сразу бросающемуся в глаза с холма на въезде в деревню. Видимо, он, как и я, молча играет в догонялки со скукой.

В прихожей послышался шум, и я стал яростно стирать с лица слезы. Спустя пару мгновений в комнату вошел дедушка. Он был высоким и статным мужчиной, наверное, даже красавцем – и совсем не выглядел на свои пятьдесят с лишним лет. Казалось, будто внутри него всегда бурлил фонтан – настолько его распирало от энергии, и лишь едва заметная глазу сеточка морщин намекала на его истинный возраст. Он был военным в отставке, правда, я всегда забывал, в каком чине – но знал, что такой человек должен быть как минимум генералом. Иногда я думал о том, почему же его дочь, то есть моя мама, так сильно на него непохожа – не в пример дедушке она была спокойной, тихой и даже безынициативной, будто назло ему решила стать его полной противоположностью. Но я знал, что это не так, потому что они были дружны.

– Чего это глаза на мокром месте? – прищурившись, спросил он. На его лице плясала едва заметная улыбка, вот-вот готовая проглянуть, как солнце из-за отступающих туч. – А? Мишка! Чего случилось-то?

– Ничего, – проворчал я.

– А с ребятами чего не играешь? – Он подошел к окну и отдернул в сторону занавеску. – Вон, бегают же. А погода какая! "И в полях, и в небе рай", как говорится.

Дедушка часто вставлял в свою речь какие-то непонятные мне фразы.

– Не хочу.

Он внимательно поглядел на меня, подавил улыбку и присел на кресло напротив меня. Я всегда ненавидел это кресло – оно находилось напротив меня, когда я ложился спать в тихий час, который я тоже ненавидел, и его узор, кажется, навсегда врезался мне в память – совершенно дурацкий и безвкусный, мутно-фиолетовый с черными полосами.

Мы посидели в тишине несколько минут. Дедушка, откинувшись на спинку, о чем-то размышлял. В такие моменты он казался похожим на величественную статую – настолько красиво он размышлял. Может, он вовсе ни о чем и не думал, а просто смотрел в какую-то невидимую для меня точку в пространстве, но я все равно хотел бы уметь размышлять с такой же непоколебимой уверенностью на лице, как мой дедушка.

– А не хочешь со мной на охоту? – вдруг спросил он. – А, Мишка?

Я мгновенно забыл о своей обиде.

– Конечно, хочу, дедушка!

Он весело рассмеялся, вскочил с кресла, подхватил меня на руки и стал невысоко подбрасывать. Я, хохоча, вспомнил, как он когда-то в детстве так же подбрасывал меня в воздух, отмечая мое трехлетие. С тех пор прошла целая уйма времени, а все помнится, как будто было вчера.

– Тогда завтра тебе придется встать пораньше, – сказал он, опустив меня вниз. Я послушно закивал. На охоту! С дедушкой! – Но если увижу хоть каплю недовольства на лице, или начнешь бурчать, то уйду без тебя. Понял?

Я снова кивнул.

– А на кого охотиться будем? На медведя?

– Зачем нам медведь? – удивился дедушка. – Не думаю, что они у нас тут водятся... Да и вообще, медведя сложно убить. Только если прямо в голову попадешь... Нет, мы будем охотиться на уток. За лесом есть пара заманчивых местечек, вот там-то мы и разгуляемся.

– Уточек жалко...

– Значит, не идешь?

– Иду!

– Ну и все тогда. Сегодня вечером поищу тебе снаряжение. Будешь как настоящий охотник, вот увидишь! Ну ладно, я пошел бабушке помогать, а то она совсем в землю закопалась, бедная.

Напевая какую-то простенькую мелодию, он вышел из дома.

Попасть на охоту мечтал любой мальчишка, но желающих брать с собой на охоту ребенка, от которого в лесу будут только проблемы, обычно не находилось. Видимо, дедушка наконец понял, что я не буду обузой в походе.

Хотелось с кем-то поделиться этой новостью. Я подошел к окну и выглянул на улицу: прятки были в самом разгаре. Ребята только что разбежались, и ведущий – сейчас это был Паша – внимательно изучал окрестности. Прямо под моим окном росла пышная сирень, укрытая зарослями крапивы; это место редко выбирали для того, чтобы спрятаться, потому что нужно было успеть замести за собой следы и при этом не обжечься. Обычно здесь прятался я – ведущему будет лень ползти сюда, а я был достаточно ловким для того, чтобы обойти все препятствия. Но сейчас, пользуясь моим отсутствием, сюда забрался кое-кто другой.

Коварно улыбнувшись, я тихонечко приоткрыл окна и шепотом спросил:

– Прячешься, Васёк?

Вася, вздрогнув, поднял на меня глаза и дал понять, что не будет разговаривать. Я подождал, пока по дороге, шумя двигателем, проедет блестящий черный внедорожник с затонированными окнами – наверное, родители Валентина приехали – и снова шепотом:

– Да не бойся, не буду тебя подставлять. Угадай, куда меня дедушка завтра с собой возьмет? Ни за что не угадаешь.

Разрываясь между любопытством и нежеланием быть замеченным Пашей, все еще зорко оглядывающим кусты и заборы, он вопросительно мотнул головой. Я немного подождал, чтобы подразнить его, и сказал:

– На охоту. Круто, да?

– Врешь! – завистливо прошипел Васёк.

– Зуб даю.

– Все равно не верю. Ты это специально придумал, чтобы пацаны завидовать стали.

– Не хочешь, не верь. Завтра утром идем. Хорошо, что с вами в прятки играть не стал, а то дедушка не пригласил бы никуда. На уток будем охотиться.

– Все равно не верю!

– Васёк, ты в сирени, вылазь давай, я тебя вижу! – обрадованно заорал Паша. Видимо, Вася завидовал слишком громко. Злобно взглянув на меня, ворча и ругаясь, он стал выходить из зарослей, по пути нахватавшись крапивных укулов, а я, полностью удовлетворенный увиденным, закрыл окно.

Мы вышли совсем ранним утром, может быть, даже ночью. Но, помня о словах дедушки, которые он сказал накануне, а также благодаря волнению перед походом, я смог встать довольно быстро. Снилось что-то непонятное, и сон я толком не запомнил, хотя не уверен, что

смог досмотреть его до конца. Перебарывая себя, я ополоснулся холодной водой, съел вареное яйцо и позволил полусонной бабушке снарядить меня в дорогу.

Дедушка надел шикарный охотничий комбинезон, и у меня не было сомнений, что, когда мы вступим в лес, он тут же начнет сливаться с окружением, как хамелеон. Сказать то же самое о моей охотничьей экипировке было нельзя: надетые на меня серо-зеленые лохмотья вряд ли можно было назвать камуфляжем, но с бабушкой спорить было бесполезно.

– Ба, ну не надо этот свитер, засмеют же...

– Будешь спорить, скажу деду, чтобы никуда тебя не брал, – проворчала бабушка. Было видно, что больше всего ей сейчас хотелось снова вернуться в кровать. – И кто тебя засмеет? Белки, что ли?

Действительно, глупо получилось.

Ружье мне, понятное дело, никто не доверил, да у нас и не было второго, но зато дедушка выдал мне самый настоящий нож в перемотанных черным скотчем ножнах. Когда я дернул за рукоятку, желая поглядеть на сталь, у меня ничего не вышло; я даже подумал было, будто дедушка специально сделал так, чтобы я случайно не поранился, но я не роптал и просто был рад тому, что нож у меня в руках.

Когда сборы были закончены, бабушка обняла нас с дедушкой, пожелала удачи и шуточно сказала, чтобы без добычи не возвращались, после чего отправилась в кровать, досматривать сны. Пока мы двигались по улице в сторону леса, я оглядывался назад, боясь, что бабушка передумает, нагонит нас и потребует, чтобы я оставался дома, но вскоре свет погас, и улица снова утонула в предрассветной тьме. Поглядывая на спящие дома, в которых в своих кроватях нежились мои деревенские товарищи, я вдвойне радовался ощущению от прикосновения к настоящей взрослой жизни.

Вдалеке, окутанный бледным утренним туманом, синел лес.

Мы долго шли по перепаханному полю, в основном молчали. Дедушка задумчиво поглядывал на верхушки деревьев, будто искал в них какой-то знак, а я старался не застрять в размокшей от ночного дождя земле. Грязь липла к сапогам, поначалу я пытался ее стряхивать, но потом бросил эту затею и смирился с тем, что она не отстанет до самого возвращения домой. К черным болотным сапогам дедушки грязь почему-то липла с куда меньшим энтузиазмом.

– Знаешь, куда идем? – спросил меня дедушка. Я отрицательно качнул головой. Он усмехнулся и доверительно сообщил: – Это наше секретное место. Про него никто в деревне не знает. Там, далеко-далеко, – он указал рукой куда-то налево, – есть озеро с утками. Все охотники только туда и ходят. Но мой отец, а твой прадедушка, узнал о небольшом притоке к этому озеру. Этот приток немного заболоченный, его довольно трудно найти, но утки там тоже водятся. Я редко туда хожу, поэтому они там не особенно подозрительные и внимательные, в самый раз для похода с таким шалопаем, как ты.

– Прадедушка тоже брал тебя на охоту, когда ты был маленьким?

– Да, несколько раз. Пока не... В общем, многому научился у него. Про приток вот узнал. – Дедушка помолчал. – Решил тебя взять. Твой-то папка занятой совсем, никогда не сводит...

Это было правдой. Мой папа – очень занятой человек, обычно я вижу его только по вечерам. Раньше я даже удивлялся, как это он, будучи таким занятым, смог найти время на знакомство с мамой, но она объяснила, что он был таким занятым не всегда. Он управляет какой-то крупной фирмой, постоянно в разъездах, а когда разговаривает с кем-то с работы по телефону, превращается в совсем другого человека – холодного, требовательного, грубого и властного. Видимо, таким он бывает на работе, и я бы не хотел, чтобы мой папа когда-то превратился в него окончательно. Когда я озвучил ему свое желание, он лишь весело рассмеялся и серьезным голосом пообещал, что не превратится.

Как только мы вступили в лес, над нами будто повис невидимый купол, скрывший нас от того, внешнего и шумного мира. Мы оказались в мире ином – тихом, спокойном и пахнущим совсем другими, непривычными и дикими запахами. Тишина здесь была непохожей на ту тишину, которую я мог слушать дома – она была всеобъемлющей, ложилась на плечи словно тяжелое одеяло, глушила голоса и заставляла напрягать слух. Каждый раз, когда под ногами стрелял хворост, или когда я сдвигал в сторону особенно наглую ветвь, преграждающую путь, мне казалось, что из лесного сумрака вот-вот вынырнут местные стражи-эльфы или феи и потребуют от нас с дедушкой немедленно покинуть их дом.

Дедушке явно нравилось гулять по лесу. Он будто обрел второе дыхание – походка стала бодрой и пружинистой, а движения – по-молодецки резкими и плавными. Иногда он замирал на месте, прикрывал глаза и глубоко, полной грудью вдыхал лесной аромат, после чего оборачивался ко мне восхищенными, чуть прищуренными глазами и проникновенно говорил что-то вроде:

– Какой здесь воздух! А, Мишка? Фантастика. Давай-давай, поглубже дыши, чтобы в школе потом рассказывать, как здесь хорошо.

Или же что-то вроде этого, но уже с ноткой печали:

– Эх, а ведь раньше здесь куда больше лесу было... Пovyрyбали все к чертям. А почему? Потому что носы заложило совсем своими машинными газами, не могут учуять, что рубят и чего нас всех лишают. Только о деньгах и думают. Мы ведь всегда с природой бок о бок были, нельзя так с ней поступать...

При этом он становился похожим на чудаковатого мудреца-друида, недовольного медленным, но неизбежным поражением природы перед лицом человеческого прогресса. В силу своего возраста я не мог понять всего масштаба этой проблемы, поэтому просто вежливо молчал.

Иногда я тоже останавливался и, приоткрыв рот, вслушивался в шепот чащи. Звуки, тревожившие ее тишину, будоражили воображение и наводили трепет – треск и скрип деревьев, гуляющий в их волосах ветер, нежный шелест листьев, бесшумно опускающихся на лесной ковер... Интересно, какие секреты хранит чаща? Поделится ли она со мной хоть одним?

– У-у-у! – протяжно кричал я в пустоту, и чаща отвечала мне заинтересованным молчанием.

Путь занял около часа, но под конец мне казалось, что скоро начнет смеркаться, настолько сильно я устал. Когда я пожаловался дедушке, он сказал, что мы уже пришли – за ближайшим холмом откроется вид на озеро.

– Когда будем спускаться к воде, – наставлял он, – прекращаем все разговоры и стараемся не шуметь. У уток и так хороший слух, а когда вокруг такая тишина, подобраться незамеченным куда сложнее. И еще, когда я буду стрелять, прикрой уши, а то оглохнешь.

Я серьезно кивнул.

– Ну, тогда пойдем подстрелим какое-нибудь бедное животное, а то даже я не всегда уверен, шутит бабушка или нет. Вдруг и вправду не пустит домой?

Мы двинулись к холму – куда тише, чем прежде.

С вершины открывался вид на озеро. Вернее, никакого не озеро, а несколько заболоченных лужиц, усеянных трубками камышей и комариными облаками. Тины и болотной мути было куда больше, чем чистой воды – сначала я даже подумал, кому придет в голову жить в таком месте? Впрочем, в дальней от нас части притока дела обстояли гораздо лучше, и даже вода повиновалась слабенькому, но течению.

И действительно, у дальнего берега были заметны несколько маленьких черных фигур, по очертаниям напоминавших уток. Видимо, они спали. Я хотел спросить у дедушки, сможет ли он поразить хоть кого-нибудь на таком большом расстоянии, но вспомнил о наставлениях

и просто молча наблюдал за его приготовлениями. Озверевшие комары уже стали потихоньку обращать на нас внимание, поэтому я мысленно молился о том, чтобы все закончилось быстро.

Дедушка стал возиться с ружьем – оно было стареньким, но он его очень любил и пронес сквозь года. Когда я наткнулся на ружье в мастерской, меня всегда охватывало благоговение, которое испытывает любой при виде орудия смерти.

Мне показалось неправильным и даже жестоким нападать на уток сейчас, когда они находятся в объятиях сна, но таковы были правила охоты. Раз уж я сам напросился, то сейчас не время подвергать их сомнениям. Тем не менее, акт лишения жизни невинного существа был для меня слишком невыносим, и я решил отвернуться, чтобы этого не видеть. Дедушка удивленно взглянул на меня, когда я развернулся к озеру спиной, но ничего не сказал и продолжил наблюдать за жертвами, готовясь к одному точному выстрелу.

Лес не издавал ни звука, будто ему тоже было интересно, чем же закончится охота. Ни скрипа, ни треска, лишь веточки еле слышно раскачивались от лесного ветра. Хотя я и был запакован бабушкой по всем правилам, этот ветер все же пробирал до самых костей. Хотя, возможно, все дело было в близости к воде. Интересно, поймет ли утка, что она умерла, если все произойдет, пока она дремлет, подумал я. Возможно, звук выстрела на долю секунды пробудит ее, и она проснется лишь наполовину, и смерть у нее будет такая же – половинчатая и совсем неправильная? Она застрянет на границе между сном, жизнью и смертью и будет блуждать по этому лесному туманному озеру в одиночестве, как ежик из того мультфильма, пока не сойдет с ума. Или же она умрет во сне? Тогда ее сон никогда не закончится. Хорошо, если это добрый сон, и в нем можно прожить целую утиную жизнь, но что, если это вовсе не сон, а кошмар? Выходит, с моральной точки зрения было бы правильнее разбудить утку... Нет, глупости какие-то. С чего я вообще решил, что уткам снятся сны? Может, они здесь потому, что только и мечтают о том, чтобы их поскорее убили? Для чего-то ведь они приходят на этот заболоченный приток, изолированный от озера, покидают своих собратьев, каждый день после наступления третьей субботы августа рискуя своей жизнью в ожидании момента, когда можно будет сорваться с места и полететь в неведомые теплые края. А этим уткам, кажется, вовсе нет никакого дела до теплых краев. Может, они вовсе и не спят, а прекрасно нас видят и все понимают?..

И тут я увидел прекрасное сияние, беззвучно доносившееся из темной глубины леса. Словно фонтан, оно плескалось и переливалось по ветвям и листьям деревьев, текло по их шершавой коре и по зеленой траве, на миг принявшей его неведомый цвет. Это был необъяснимый, таинственный цвет, меняющийся каждую секунду и одновременно будто бы остававшийся неизменным – и настолько яркий, что казалось, будто он навсегда останется пятном на глазной сетчатке. На миг я забыл обо всем – об охоте, деревне, ребятах и об утках, застревающих между жизнью и смертью; мне захотелось раствориться в этом сиянии, искупаться в нем – нырнуть с головой и никогда не всплывать.

Я взглянул на дедушку. На его лице застыло немое изумление; с таким изумлением смотрят на пшеничные колосья, проросшие в разгар буйной зимы. Руки все еще удерживали ружье, но разум был уже далеко; в его широко раскрытых глазах отражалось растекающееся по лесу неземное сияние.

– Это что же такое, Мишка?.. – замороженно спросил он меня.

– Не знаю, дедушка, – прошептал я пересохшими губами.

Неизвестно, сколько времени прошло, пока мы глядели на это сияние. Наверное, выйди сейчас сюда одинокий путник, он бы увидел странное зрелище – две фигуры на берегу туманного притока, безмолвно наблюдающие за светом из-за холма. Впрочем, он бы наверняка тоже увлекся этим светом...

Наконец дедушка переборол себя. Немного дрожащими руками снова проверил, заряжено ли ружье, и сказал мне тихо:

– Пойдем, проверим... Но держись позади меня, хорошо?

Я кивнул. Мы осторожно пошли навстречу сиянию. Чем ближе было марево многоцветного пожара, пылающего за холмом, тем слабее становилась моя тревога. Разве оно могло нам навредить? Я не сомневался – это была упавшая звезда, редкость, к которой люди мечтают прикоснуться во все времена. Тут я почувствовал, что на груди у меня что-то еле слышно дрожит. Я отдернул в сторону один из многочисленных свитеров и вытащил на свет свою игрушечную звездочку.

Удивительно, но сейчас она тоже испускала сияние – хотя уже давно перестала работать. Как объяснил было папа, закончился срок службы. Как же он объяснит это? И почему мне сразу не пришла в голову мысль о явной связи между моим украшением и упавшей звездой? Да, сияние было во много раз слабее, но сходство было очевидным. Я спрятал звездочку обратно под кофту, чтобы дедушка не начал задавать лишние вопросы.

Когда мы приблизились к холму, дедушка остановился. Я прислушался: было по-прежнему тихо. Сияние не издавало ни звука, а лес продолжал безмолвствовать. Тем фантастичнее оно выглядело – словно сбежавшее из чьего-то сна, не до конца оформившееся в нашем мире.

– Побудь здесь, Миша, – сказал дедушка.

– Но... Дедушка!.. – заспорил было я, но он твердо прервал:

– Это может быть опасно! За себя я смогу постоять, но тебя подвергать опасности не хочу. – Я разочарованно взглянул на дурацких уток вдалеке, пряча наворачивающиеся слезы обиды. – Я вернусь быстро. Но ни в коем случае не ходи за мной, Миша. Если я не вернусь, не гляди на этот свет, хорошо? Возвращайся домой той же дорогой.

Мне стало тревожно.

– Дедушка, может, не стоит?

Он внимательно поглядел мне прямо в глаза. Такой взгляд я встречал редко – пронзительный и острый, как будто он пытался запомнить во мне каждую деталь.

– Я должен посмотреть на это, – тихо ответил он. И затем повторил: – Я постараюсь вернуться быстро.

Щуря глаза, он взглянул прямо на сияние, выползающее из-за холма, и стал подниматься наверх. Спустя мгновение его фигура пропала из виду. Все происходило в той же тишине, что и прежде. Я сел на землю и обнял руками колени. Мне было холодно и страшно – и еще страшнее, когда я вспоминал тот последний взгляд, которым меня одарил дедушка. Как будто он вовсе и не собирался возвращаться. Наверное, с таким взглядом на войну уходят мужчины... Утки были забыты, и даже когда мой испуганный взгляд скользил по их еле двигающимся темным фигурам, в голове у меня клубились совсем другие мысли.

Сияние растекалось по окрестностям, оно плясало на моих дрожащих руках, просилось в ладони, будто одичавший птенец, и я раскрыл пальцы, сжатые в кулаки, а после – зачарованно глядел, как оно меняет цвет, скачет между самыми невероятными оттенками так же ловко, как опытный танцор. Черное, белое, красное, зеленое, фиолетовое... И да, и нет. Оно меняло цвет так быстро, что мозг не успевал придумать этим полутонам названия. В ярких тенях я видел все, как будто мне довелось заглянуть в пророческий колдовской огонь – а может, мне просто мерещилось то, что я хотел увидеть. Далекие звезды, которые теперь были так близко, такие холодные и чужие, но такие заманчивые, и мои глаза тянулись к их свету, как мотыльки на горящий костер... Мир за пределами этого огня становился безжизненным, серым и невзрачным, и я даже поразился – как же я прежде мог не замечать этого?..

Сколько я так просидел, зачарованно глядя на отблески таинственного многоцветного сияния, я не знал. Просто в один момент я отвлекся – и мной снова овладел страх. Страх перед этой неизвестной силой, мерцающей с холма, обесцвечивающей весь мир, страх перед той молчаливой обреченностью, с которой ушел дедушка, страх перед этим лесом, неожиданно обнажившим свой секрет, перед которым мы были беззащитны... Казалось, в этом туманном

месте время ведет себя совсем по-другому – растягивается, как ему захочется. Или, может быть, это все из-за страха? Да, наверняка дело в нем. Помню, однажды я принёс домой двойку по русскому, и ожидание родителей, которые непременно проверят дневник, было мучительно долгим. Я успел перемыть всю посуду, прибраться дома и выгулять пса, прежде чем они пришли, справедливо рассудив, что это поможет смягчить приговор. Но что, если эту силу страха использовать себе во благо? Если чего-то испугаться, то можно успеть сделать много дел... Главное, не нужно с ним бороться – если ты победишь его, то время снова станет прежним. Интересно, был ли какой-нибудь ученый, который исследовал зависимость между течением времени и страхом? Или я буду первым? Какие только мысли не лезут в голову!..

От размышлений меня отвлек шорох в траве. Спустя мгновение оттуда выпрыгнула маленькая грязно-коричневая лягушка. Я ее ничуть не испугался и даже попытался взять в руки, но в самый последний момент она смогла увернуться, и, произнеся укоризненное и протяжное "ква-а-а-а", попрыгала наверх, к сиянию. Тут я понял, что свет стал слабеть. Яркие тени еще продолжали бегать по моим пальцам, но их источник стал слабее. Я обернулся: и правда, холм и окружающая действительность стремительно набирали свои прежние естественные краски. Но глаза еще помнили ту фантастическую и яркую картинку, на короткое мгновение расцветшую перед глазами, и мне даже стало немного грустно, что такого откровения я больше не увижу. А дедушка все не возвращался. "Если я не вернусь, не гляди на этот свет"... Но свет-то исчез! Значит, можно подняться и посмотреть, что там происходит.

Страх понемногу уступал место любопытству. Да, нужно подниматься. Вдруг с дедушкой что-то случилось? Тогда я спасу его, и он возьмет меня в следующий поход. Сияние окончательно растворилось в воздухе, и я стал медленно подниматься на холм.

Дедушка сидел прямо на земле, спиной ко мне, и неотрывно смотрел куда-то вверх. Вся вершина холма почернела – трава пожухла и прижалась к земле, словно отсюда только что стартовала ракета. Я подошел к дедушке и взглянул на него. В его глазах стояли слезы, а на лице застыла печальная и одновременно счастливая улыбка. Он заметил меня, быстро вытер слезы и несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул.

– Дедушка... Где свет? – тихо спросил я.

– Исчез, – тихо ответил он. Затем, уже живее: – Растворился в небесах... Но он был очень красивым. Эх, Мишка, жаль, тебе нельзя было поглядеть на него.

– Почему?

– Долго объяснять, – сказал дедушка. – Слишком опасно. Он... Это как та черная собака из Воронцовского двора, помнишь? На вас, детей, скалится. И покусать может. А со взрослыми нормально себя ведет, даже команды выполняет.

– Не понимаю, – признался я и взглянул в небо, куда до этого глядел дедушка. – Свет может покусать?

– Можно сказать и так, – рассмеялся дедушка. Теперь он был прежним – грустная задумчивость исчезла вместе со слезами и той улыбкой. Его рука потрепала меня по голове, взъерошив волосы. – Но укусы будут куда опаснее. Бабушке лучше об этом не говорить. Это будет наш с тобой охотничий секрет.

Я кивнул. Я умел хранить секреты.

Кряхтя, дедушка встал с земли, подобрал ружье, лежащее в нескольких шагах от него, и сказал:

– Ну ладно, пойдем домой.

Вторя его словам, откуда-то из кустов раздалось уже знакомое "ква-а-а-а". Так и решили.

Обратная дорога была куда легче. Может быть, из-за того, что путь теперь лежал не к туманному притоку с печальными утками, а домой – к горячей еде и ребятам, по которым я уже успел соскучиться. Когда просветы между деревьями вдалеке стали шире, у меня даже проснулся какой-то азарт, и мне захотелось погулять по лесу подольше.

Дедушка шел молча и ни разу не заговорил со мной. Он явно о чем-то размышлял: по лбу ползали сосредоточенные морщины, а глаза были устремлены вниз – и размышления эти были явно вызваны недавним происшествием.

– Дедушка?

– Ну? – Его глаза вырвались из дум и посмотрели на меня.

– А как же утки? Мы ведь шли на охоту.

– Ничего, в следующий раз постреляем.

– Ты возьмешь меня в следующий раз? – обрадовался я.

– Возьму, возьму... – притворно-ворчливо сказал он. – Если вести себя хорошо будешь.

А друзьям своим про приток не болтай. Это наша семейная тайна, помнишь? А то все охотники сюда ходить начнут...

Он снова замолчал, задумавшись.

– Дедушка!

– А?

– Я хотел спросить про... про тот свет.

– Спрашивай.

– Что это было?

– А ты как думаешь? – после небольшой паузы спросил он.

Я тоже замолчал, задумавшись. Мне вспомнилась моя игрушка, как всегда болтающаяся на моей груди.

– Я думаю, это была упавшая звезда, – ответил я.

Дедушка усмехнулся.

– Смышленный ты, Мишка. Все правильно. Упавшая звезда и была... Желание-то успел загадать?

– Нет...

– Как же так? Столько времени там просидел, а желание не загадал?

Я был раздосадован. Столько времени любовался сиянием, и даже не подумал о том, чтобы загадать желание!

– Ну, не расстраивайся, – промолвил дедушка, взглянув на меня. – Не последняя же это упавшая звезда в твоей жизни, еще успеешь...

– А ты успел загадать? – поинтересовался я.

– Нет, – признался он. – Да у меня и нет желаний. Все, что было нужно, у меня есть.

– Ты именно поэтому плакал, да? – понял я. – Потому что тебе нечего было загадать?

Дедушка остановился и внимательно взглянул на меня. После короткой заминки мы продолжили путь, и он будто с нежеланием ответил:

– Нет, не из-за этого. Глаза у меня уже старые, слезятся, когда на яркий свет смотрю. Поэтому и тебе не разрешил – рано еще зрение портить.

После этих слов мы оба замолчали и до самого дома не проронили ни слова. На улице, как обычно, веселились ребята – я помахал им рукой, и мне в ответ понеслись радостные приветствия, из чего я заключил, что срок моего наказания подошел к концу. Только Васек отличился – мгновенно посмурнел, отвернулся и стал делать вид, что невероятно сильно заинтересован воркующими друг с другом голубями. Видимо, все еще не смог избавиться от зависти.

Наше возвращение совпало с обедом – когда я вошел в дом, стол был уже накрыт, как будто бабушка каким-то шестым чувством узнала о нашем скором появлении. На улице, около домофона, она встретила дедушку, и тот стал ей что-то объяснять – наверное, рассказывал придуманную историю, из-за которой мы явились без добычи. Похоже, объяснение бабушку устроило, потому что вскоре они, болтая уже о чем-то совершенно другом, появились в столовой; бабушка отвесила мне подзатыльник за то, что я сел за стол с грязными руками, и мы принялись за еду.

***

Через пару дней мне приснился странный сон.

Я стоял на высоком холме, с которого открывался прекрасный вид на окрестности. Солнце клонилось к закату, торопясь спрятаться за горизонт; пруд, который всегда вселял в меня такой страх, напоминал бронзовое зеркало и слепил глаза. Деревня, вся в золоте, сияла в лучах закатного солнца, освещавшего аккуратные домики, фруктовые рощи, фонарные столбы и брошенные автомобили. Через всю деревню тянулась улица, по которой в сторону пруда неспешно шел незнакомый человек. Больше в деревне людей не было; тайна объяла ее, точно тучи, окутала туманом неизвестности, наводящим морок и пробуждающим неясную глухую тревогу. Этот морок был прекрасен, словно застывшая в вечном сне янтарная муха, и вызывал воспоминания о далеком детстве, когда удивление и удовольствие пронизывали таинство дней, а каждый рассвет и закат полнились неизведанными обещаниями и открытиями.

Я стал медленно спускаться с холма, продолжая изучать прекрасную иллюзию, и приближающийся пруд больше не пугал меня. Мне казалось, сейчас я был намного старше, а это место, хоть и было похоже на деревню из моего детства, было совсем другим, далеким и чужим; но, как и во всяком сне, это чувство блуждало на зыбкой грани восприятия и путало мысли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.